

Аполлон Григорьев

"Роберт-дьявол"

(Из записок дилетанта)

Аполлон Григорьев. Воспоминания
Издание подготовил Б. Ф. Егоров
Серия "Литературные памятники"
Л., "Наука", 1980
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

I

Я жил еще в Москве, я был молод, я был влюблен.

Конечно, моим читателям вовсе не нужно было бы знать ничего этого но, со времени признаний Руссо, {1} люди вообще постепенно усовершенствовались в цинической откровенности, и не знаю, от каких подробно стен домашней и внутренней жизни пощадит человечество любой из со временных писателей, если только, по его расчету, эти подробности раз меняются на звонкую или ассигнационную монету... И он будет прав разумеется, как прав капиталист, который не любит лежачих капиталов даже более, чем капиталист, потому что всякая прожитая полоса жизни достается потом и кровию, в истинном смысле этого слова - и, по пословице "с дурной собаки хоть шерсти клок", что же, кроме денег, прикажете вы брать с общества за те бесчисленные удовольствия разубеждений, которыми оно так щедро дарит на каждом шагу?... Да, милостивы" государи! в наше время личный эгоизм нисколько не сжимается, *il se gene le moins du monde*, {он ничуть не стесняется (франц.)} напротив, он нагло выдвигается вперед, как бы мелочен он ни был; он хочет, во что бы то ни стало, сделаться заметным, хоть своею мелочностью: оттого-то в наше время, богатое страданием стало даже смешно и пошло говорить о страдании, оттого-то болезненная борьба заменилась цинически-презрительным равнодушием, и слово "высокое чело" обратилось в другое слово, более выразительное, и это - извините пожалуйста - "медный лоб". Иметь медный лоб - вот высокая цель современного эгоизма, хоть, конечно, не многие еще прямо говорят об этой цели. Хороша ли, дурна ли эта цель - судить не мне, да и не вам, милостивые государи, а конечно только Тому, пред очами Которого длинной цепью проходят мириады миров и века за веками, каждый с своим особым назначением, с своим новым делом любви и спасения...

"Возвратимся к нашим барашкам", т. е. к тому, что я жил еще в Москве, что я был молод и влюблен - и это будет истинное возвращение к пасущемуся состоянию, ко временам счастливой Аркадии, к тем славным временам для каждого из нас, когда общественные условия не заставили еще нас отрастить когти и не обратили в плотоядных животных. Здесь, а *propos de bottes*, {ни к селу, ни к городу (франц.)} никак не могу я удержаться и не заметить в скобках, что каждый из мирного, пасущегося, домашнего животного делается, смотря по своим природным наклонностям, медведем или волком; медведи обыкновенно очень добры, и только бы их не трогали, лежат себе смирно в своей берлоге, думая по-своему о превратностях мира сего, - волки же, как известно, нигде не уживаются.

Итак, я был еще мирным, домашним животным, тем, собственно, что, на грубом техническом языке скотных дворов называется сосунком, а на учтивом общественном - примерным сыном и прекрасным молодым человеком, - хотя чувствовал сильное поползновение отрастить когти....

Я любил... о! как я любил тогда, милостивые государи, - идеально, бешено, фантастически, эксцентрически - смело до того, что даже - о ужас! - позволял себе, в противность предписаниям родительским, просиживать целую лишнюю четверть часа после полночи, что даже - о разврат! - героически проповедовал, в стихах разумеется, презрение к общественному мнению, что даже - о верх нечестия! - писал стихи в месте моего служения, ибо я служил, милостивые государи, с гордостию мог сказать, что целых три года отслужил отчеству, целых три года - так, по крайней мере, значитесь в моем формулярном списке, потому что, поособенной доброте начальства, в этот формулярный список не вписывались периоды нехождения к должности, иногда значительно долгие.

Итак, я любил по всем правилам романтизма; любовь моя "не оставляла